

С. М. Климова³

**ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ДОСТОЕВСКОГО — РОЗАНОВА — БАХТИНА.
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ АВТОРСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПИСАТЕЛЯ
КАК ИНВАРИАНТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Я занимаюсь философией, и мне показалось любопытным представить доклад на тему «Проблемы поэтики Достоевского — Розанова — Бахтина». В выступлении Вадима Львовича Рабиновича прозвучала мысль о том, что культура — это бесконечный монолог, монолог о диалоге, или разговор личностей в автономном пространстве. С этим очень трудно согласиться. На примере творчества трех обозначенных в заглавии моего выступления персон я постараюсь, сосредоточившись в основном на Розанове, сказать, что пространство созидания культуры через тексты, через созвучия авторской мысли — абсолютно диалогично. И когда читаешь авторов, созвучных друг другу и близких творчески и биографически, то видишь схожие почерки,

как какой-то общий исторический разговор, хотя каждый имеет свою уникальность и индивидуальность.

Знаменитая книга М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» позволяет одновременно проникнуть и в поэтику В. Розанова, во многом повторившего диалогичку Ф. М. Достоевского. Они оба продвигались в направлении формирования интимной философии, каковую невозможно описать вне диалектики частного и общего; применительно к их творчеству она может быть наиболее адекватно представлена через понятия диалога, полилога и монотемы. Изучение текстов Розанова позволяет обнаружить аналогию с диалогической природой творческого сознания Достоевского. Понятие

³ Доцент кафедры философии Белгородского государственного университета, доктор философских наук.

партитуры, примененное В. Шкловским к характеристике розановской трилогии («Уединенное» и два короба «опавших листьев»), близко понятию полифонии, используемой Бахтиным в отношении творческого метода Достоевского. Внутренний диалог, противоборство идей, открытость чужому, «вечная оглядка» на другого (выражение Бахтина) — вот что максимально объединяет Розанова и Достоевского в репрезентации собственных идей. Розанов перманентно использует чужие голоса в своих произведениях и как форму исповедания, и как структурный принцип полифонического звучания текстов. Эта форма по смыслу приближена к бахтинскому *Icherzählung* — преломлению автором чужого слова в направлении собственных устремлений. Рассматривая диалогический метод анализа как основополагающий, оба мыслителя имеют одну «монотему» — важнейшую мировоззренческую установку на целостное авторитетнейшее начало, определяющее все многоголосие и полифонизм чужих голосов. «Свое» — субстанциональность или монотема, чужое — диалогизм или принципы аргументации.

И хотя Бахтин считал, что полифония почти невозможна в публицистике, именно в этой области Достоевский и Розанов добились полноценного звучания, особенно, если учесть имманентную близость публицистики «частной теме», с которой оба сняли «индекс запретности» (Шкловский). В ее основе лежит принцип целостного проникновения в тему-проблему, преломление логики фактов в логике чувств, мыслей и деятельности. Розанов так продуманно организует диалоги и полилоги, что мы на протяжении ряда статей, иногда разделенных и пространством и временем, наблюдаем их внутреннее организационное диалогическое единство, при внешней отрывочности и расколотости. Это связано и со специфически розановской методикой «тотального цитирования» (полифония XX в.), и со свойственной обоим мыслителям чертой: фрагментарностью мышления.

Данная целостность определена монотемой, общей обоим мыслителям. Ядром таковой является метафизика христианства — основа их «проникновенного слова», которое при всем многоголосии было твердо монологическим, нерасколотым, что стало возможно лишь в реальном диалоге с другими или «приобщении героя к хору» (Бахтин). Бахтин здесь буквально повторяет розановскую формулировку идей Достоевского: «слово... самое проникновенное, глубокое и мудрое» и розановскую идею о возможности постижения общего в соборном (хоровом) познании. Христианский дискурс при этом играет роль монологического ядра, «универсального словаря» культуры, перекодируя который формируется индивидуальная авторская мифология в диалогическом мире мнений и многоголосии. Субъективное мифотворчество мыслителей, столкнувшись с глубочайшей по мощи и влиянию религиозной верой православия, наслаиваясь и в то же время дифференцируясь, формируются в особое религиозное состояние, не сводимое к отдельным компонентам религиозного сознания. В ходе столкновения-диалога и рождается инвариант русской культуры — мифотворчество отдельных ее представителей, в частности Достоевского — Розанова — Бахтина.

Розановское многоголосие создается, конструируется по законам философского дискурса, полифонические романы Достоевского — художественного, поэтика Бахтина — литературно-критического.

Анализ трилогии Розанова позволил обнаружить в ней принцип построения философского романа, которому присущи элементы мениппей-карнавализации в духе Бахтина. Он написан в стиле великой карнавализации и буффонады, нарочитого выворачивания себя наизнанку, самопрезентации автора в образе философа-шута, фигуры как комической и карнавальной, так и иронической (даже саркастической) и трагической одновременно. Мы смогли обнаружить данную стилистику лишь при перекодировании его текстов из системы линейного чтения-восприятия в *структурно-семиотический анализ*.

Автор-Розанов представляет нам героя-Розанова как существо от автора отличающегося и создающего в своей шутовской и в то же время философской манере уникальный миф об авторе. Герой-Розанов обладает амбивалентными чертами. С одной стороны, он — философ-пророк, устами которого говорит Бог. И здесь мы вновь наблюдаем общность с мениппеей как жанром «последних» (пророческих) вопросов. С другой — в герое отражены черты *мудреца из карнавальных постановок* (аналогия взята из рассуждений Бахтина), знающего «громовую истину», хотя все смеются над ней, в том числе и он сам — мудрый шут и герой трилогии, насмешливо намекающий на то, что он мог бы своим открытием перевернуть мир, но «не хочется». То, что проговаривает *шут-мудрец Розанов*, смешно толпе, хотя насмешка в большей степени связана с удивительной простотой и *узнаваемостью, очевидностью* истины. Смех не позволяет многим обнаружить истинность сказанного шутком. Здесь же бросается в глаза и сходство фигуры философа-шута с *православным юристом*, обретшего черты карнавализованной фигуры (в бахтинском контексте выражения идеи).

Проведенный анализ позволяет на конкретно-историческом материале подтвердить и правоту идей Бахтина в отношении поэтики Достоевского, и увидеть более ранние источники данного подхода в творческом наследии В. Розанова.

В общем, Розанов и Достоевский очень близко подходят к способу изложения мысли. Идея может быть действительно монологичной, идея может быть общей или соборной, универсальной, а вот собрание, так сказать, общего такого взгляда на эту идею, разговор по поводу этой идеи неожиданно оказывается весьма диалогичен. Если посмотреть на структуру текстов Розанова, то мы увидим, что они специальным образом структурированы: в основу текста ложится огромное количество цитат, ссылок, которые не случайно загромождают его, а включены специально, для того чтобы выстроить многоголосье, самую разную полемическую палитру вокруг одной проблемы, которой занимается Розанов.

Возьмем, например, переписку Николая Николаевича Страхова и Розанова, где последний умудряется сохранять свой метод вторичного, а то и третичного цитирования, когда на каждую фразу, на каждую мысль он делает огромные ссылки. Причем внутри этих ссылок он делает еще ссылки, и таким образом текст представляет собой действительно

полифоническую систему. Кроме того, изучая тексты Розанова, я обратила внимание на то, что он очень часто использует не только вербальные, но и образные средства для структурирования своего текста. Рисунки, которые он вводит, фотографии, которые использует, — это все тоже не чисто иллюстративного характера вещи. Это специфическая структура текста, собиравание в одно целое вербальных образных средств, фотографий и т. п.

Если говорить о диалогике текстов, связывающих Достоевского и Розанова, то свойственная им черта — фрагментарность мышления, которая прекрасно реконструируется и в стилистике Достоевского, и в стилистике Розанова. Афористический стиль Розанова очень известен и принес ему славу русского Ницше, поэтому его работы многие наши современные исследователи называют коллажом, предтечей постмодернистского мировосприятия — в силу афористичности и мозаичности пересказа тех или иных идей в тексте Розанова.

Хотелось бы отметить, что сам Розанов считал фрагментарность, незавершенность, оговорки, восклицания специфическими характеристиками философов масштаба Достоевского или Толстого — тех, кто не просто рассказывает, а вещает, пророчествует, раскрывает нам истины, приближается и достигает «громовых истин», открывать которые читателю позволяет мозаичность изложения текста. Слова этих людей полны символического звучания, которое мы и должны услышать в обрывке, фрагменте и даже, может быть, в оговорке.

ФАТИЕВ Н. И.: — Светлана Мушайловна, уточните, пожалуйста, вы говорили о диалоге как феномене коммуникативно-речевого общения или как явлении антологии человеческого существования?

КЛИМОВА С. М.: — В некотором смысле — о диалогике при создании текстов, которая присут-

ствует в философии Розанова и которая объективно соединяется с теми подходами, которые есть у Достоевского. Основная моя мысль заключалась в том, что Розанов совершенно самостоятельно открыл диалогическую философию Достоевского и использовал его методологию создания текстов в своей форме, в форме создания философских текстов.

Афористичность и идеологичность становятся новой формой философского поиска вечных истин, их субстанциональной основой. Я, может быть, сейчас повторюсь: их субстанциональной основой является то, что можно было бы назвать социологией души. Душа писателя в этом потоке многократного обнажения требует осмысления идеи не только своего авторского «я», но и требует читательского «я», оценивающего и выбирающего собственные приоритеты в ходе постижения текста. Здесь нет навязывания и нет абсолютной, «нерасколотой», «монологичной» истины. Поэтому только совместными усилиями читателя и автора, читателя и героя, причем усилиями, продолжающимися и в пространстве, и во времени, усилиями, в которые включены не только современники, но и будущие читатели, можно, очевидно, достичь какого-то целостного восприятия.

В заключение хотелось бы отметить, что в текстах Розанова и Достоевского монологизм отсутствует как принцип, поскольку основой осмысления темы является сбивание множества сознаний не в монологически целостное ядро, а в сборное понятие познания идей. Но в то же время Розанов, подобно Достоевскому, считает, что главное в создании текстов — тема, которая является подлежащим, а способ аргументации, используемый им и его соавторами, в том числе и читателями, и вспомогательные факты — это сказуемое, необходимое, для того чтобы найти и соборно решить основную задачу поставленной монотемы.

* * *

стует в философии Розанова и которая объективно соединяется с теми подходами, которые есть у Достоевского. Основная моя мысль заключалась в том, что Розанов совершенно самостоятельно открыл диалогическую философию Достоевского и использовал его методологию создания текстов в своей форме, в форме создания философских текстов.